

Алена Яворская

В цветущих акациях город, или Акация пахнет, как сказанная

Как известно во всем мире, символ Одессы – белая акация. Каждой весной мы не можем надышаться этим кружащим голову тонким ароматом и вспоминаем и музыку Дунаевского к оперетте «Белая акация», и рассказ Куприна «Белая акация», и рассказ Жаботинского «Акация»... Да мало ли можно вспомнить, когда цветет акация! Лишь погрузиться, что все меньше белых акаций остается на улицах Одессы.

Именно потому что они были символом города, во второй половине XX века по негласному приказу сверху их заменяли и липами, и тополями, и елями, да чем угодно! Говорили, что облегчают труд дворников – слишком много мелких листьев, убирать трудно. Все же выжила акация на окраинных улицах, да и в центре кое-где зацепилась – она ведь живучая, как и сама Одесса.

Но ведь на самом деле белая акация Одессы – еще один миф. Позволю себе непатриотичное отступление. В записных книжках Евгения Петрова есть фраза: «Надпись под деревом в Никитском саду: «Лжекаштан конский». Мне нравится эта откровенность науки. В жизни так не бывает. На дверях кабинетов не висят таблички: «Назаров – лжепредседатель по делам искусств» или «Ставский – лжеответственный секретарь Союза писателей».

А ведь наша белая акация вовсе даже не лжеакация, а робиния обыкновенная, в лучшем случае ее можно назвать робинией ложноакациевой. Но какая нам разница – сегодня, как и двести лет тому назад, мы говорим: «белая акация».

Саженцы робинии-акация привезли по заказу нашего Дюка, герцога де Ришелье. Может быть, он вспомнил дерево в королевском саду Парижа, посаженное еще при Генрихе Четвертом. Николай Мурзакевич писал в «Одесской старине»: «Уже при герцоге Ришелье стройные улицы стали засаживаться акацией и каштанами, вывезенными из Южной Франции».

Так или иначе, уже в двадцатые годы девятнадцатого века Одесса и акация были связаны неразрывно.

1828. Англичанин Эдвард Мортон подробно описывает молодой город: «Все улицы в нем просторны и с обеих сторон засажены деревьями. Раньше это были тополя, но в настоящее время все более предпочтительной становится белая акация».

1830 год. Павел Морозов дает почти графическую картину:

«Представьте крутую гору, подошва которой омывается морем, а вершина служит основанием ряду огромных домов, выкалывающихся из-за аллей белых акаций».

Площадь, окружающая одесский театр, представляет с одной стороны покатость, идущую к морю, а с другой – ровное пространство, образующее большой прямоугольник, коего стороны обозначены аллеями белых акаций.

Против Александровского проспекта расположен Городской сад. Сирень и белая акация составляют большую часть аллей, здесь рассажены. В апреле и мае месяцах растения сии наполняют воздух роскошным благоуханием. Тогда Городской сад становится любимым гульбищем одесских жителей».

Увы, цветение недолговечно, и в том же году Михаил Розберг грустит: «В июле все уже сожжено солнцем, все запылено, и белые акации одесских бульваров становятся довольно похожи на эти березки, которые в Москве забывают убирать с тротуаров через несколько дней после Семика или Троицына дня».

В 1839 Владимир Бенедиктов пишет два стихотворения: «Южная ночь» и «Одесса». И в обоих упоминается акация:

«И акация и тополь
Привились к брегам крутым».

«Легкий сумрак, сень акаций;
Берег моря, плеск волны».

Акации окружали и памятник Дюку. Памятник торжественно открыли в апреле 1828. И в том же году уже упоминавшийся Эдвард Мортон записал: «В центре бульвара, на высоком пьедестале из красного гранита установлена бронзовая статуя герцога де Ришелье – заслуженная дань любви и уважения жителей Одессы покинувшему их губернатору. Но памятник так плохо выполнен, что, как говорят, имеет сходство с кем угодно, но только не с герцогом. Широкий путь для карет пролегает рядом с домами. Вдоль него высажены ряды молодых акаций. Образовавшаяся между ними аллея покрыта песком, взятым на морском берегу».

В 1830 Иван Бороздна, подражая Пушкину, сочиняет письма в стихах «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма»:

Мы шли, бывало, на бульвар,
Где под навесами акаций
Бессмертный Ришелье стоит
И зорко на море глядит.

А спустя десять лет, в 1840, «русская Жорж Санд» Елена Ган-Фадеева напишет в повести «Теофания Аббаджио»: «Посреди бульвара, на площадке стоит бронзовая статуя, изображение строителя города; сирень, черемуха, акация и дикая олива разливают упоительный аромат в воздухе; в их ветвях вечно играет освежительный приморский ветерок».

И те, кто приезжает в Одессу, мечтают насладиться ароматом акации. Увы, ее цветение недолговечно.

В 1845 году фрейлина Олимпиада Шишкина путешествует на Юг для поправления здоровья. В книге «Путешествие из Петербурга в Крым» (заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году) неоднократно упоминает одесскую акацию: «Остановившись, с полным восторгом насладились прохладным морским воздухом и очаровательною картиною древнего Понта с балкона «Петербургской гостиницы», над

славным здешним бульваром из белых душистых акаций, к сожалению, давно отцветших. <...> Огромные белые акации защищают архиерейский дом от морских ветров, которые бывают здесь чрезвычайно сильны, и от них поднимается густая тонкая пыль, очень вредная зрению».

Естественно, дама не могла миновать Пале-Рояль с его модными лавками и кондитерскими магазинами. «Внутри его, откуда вход в лавки, посажены белые акации и другие деревья, и со временем будет здесь прекрасный сад».

Но, оказывается, акация не только одесское дерево, как мы привычно считаем. В 1867 году в Одессе побывала группа туристов из Америки. Был среди них журналист Сэмюэл Клеменс, более известный как Марк Твен. В книге «Простак за границей» есть страничка, посвященная Одессе. И что же? «По виду Одесса точь-в-точь американский город: красивые широкие улицы, да к тому же прямые; невысокие дома (в два-три этажа) – просторные, опрятные, без всяких причудливых украшений; вдоль тротуаров наша белая акация; деловая суета на улицах и в лавках».

Год 1879. Яков Полонский в повести «Дешевый город» пишет о всепроникающем запахе акаций: «Одесса давно уже высохла и по временам страшно пылила. Иногда, вся позлащенная солнцем, она благоухала запахом распускающихся белых акаций. Елатомский любил этот запах, но жаловался, что у него от этого запаха голова болит».

И Александр Дерibas описывает цветущие гроздья в очерке «Прежние пасхальные дни»: «В саду Мартына устраивались танцы на открытом воздухе на специально сооруженных деревянных площадках под звуки веселого струнного оркестра. Были там и качели, раскачиваясь на которых и попадая головой в кущи деревьев, можно было ловить руками сочные гроздья душистой акации». Ему же принадлежат и слова: «Цветы олеандра лучшее, что наряду с благословенными акациями нам оставила Старая Одесса».

Оставила, но сохранили ли мы?

Уже в 1865 в повести Осипа Рабиновича «История о том, как реб Хаим-Шулим Фейгис путешествовал из Кишинева в Одессу,

и что с ним случилось» одесситы читали грустно-ироническое: «Ах, это было счастливое время, почтенные читатели мои, когда по нашим тротуарам еще можно было безопасно ходить, а на наших улицах красовались густые акации!».

Удивительно, но на одной из улиц, моей любимой Херсонской-Пастера, акация растет уже почти двести лет. Впервые упоминает о ней Эдвард Мортон в 1828: «Херсонская улица. Она красива, имеет полмили в длину и очень широка. Вдоль тротуаров, построенных из мягкого камня, высажены ряды душистых акаций».

Более подробно описана Херсонская и ее акации в повести Анастасии Марченко «Умная женщина»:

«Вот неделя, как акация распустилась. На Херсонской улице воздух душист, от крепкого запаха голова кружится, белые цветы висят полными кистями, погода с полнолуния стоит прекрасная, тихая и приветная. Я гуляю всякий день по Херсонской. Напрасно по бульвару ходит целая толпа, напрасно по Ришельевской снуют из одного конца в другой экипажи и белая лошадь с золотой сбруей, и зеленым бархатом выбитые дрожки с темным рыском, и фаэтон с серыми лошадьми.

На Херсонской растет несколько деревьев белой акации, она цветет, и воздух душист, грудь сжата сладостной грустью, голова как будто кружится, и странная приятная усталость овладевает вами. Акация цветет, май на дворе, последние дни весны встречаются с первыми днями лета».

Эти строки были написаны в 1853 году. А в конце мая 2021 я иду по Пастера под акациями, цветущими, нарядными, молодыми и старыми – есть среди них молоденькое деревце, которое кто-то неизвестный уже дважды ломал, но кто-то, также неизвестный, дважды бережно подвязывал. И в этом году оно робко, трогательно зацвело – всего одной гроздью, но такой же душистой и изысканной, как у старших деревьев.

В 1890 году была опубликована первая книга об Одессе на украинском языке – «Над Чорним морем» Ивана Нечуя-Левицкого. Можно сказать, что в ней карта одесских акаций – они и в центре, и на окраине: Николаевский бульвар, Дерибасовская, Аркадия, Фонтан.

«Парапет стояв над мурованою стіною, а під стіною на терасі гори коло самісіньких сходів розстелявся парк з миршавих акацій; в садку жовтіли доріжки й стежки, що вилися до літнього дерев'яного театру. Комашко впав на стілець, сперся на широкий мурований парапет і дивився вниз на терасу, засаджену акаціями, на людей, що вештались внизу по стежках. <...>

Чималий сквер біля одеського собору аж лиснів, зелений та свіжий, политий водою, залитий гарячим світлом сонця. Алеї з акацій кругом скверу, купи кущів на зеленій свіжій траві, клумби широколистих квіток – все ніби мліло в ясному гарячому світі. <...> Перед очима в Комашка стелилась широка, перша в Одесі, Дерибасівська вулиця, обсаджена двома рядками акацій. <...>

Тим часом в перспективі вулиці вже сунувся вагон трамваю. Всі схопились з лавок і хапком рушили з місця. <...> Вагон поволі посовувався між густими акаціями, котрими обсажені одеські вулиці, і незабаром доїхав до станції за містом, де перепрягають коні. Уся компанія порозходилась попід акаціями, ховаючись в холодок од пекучого сонця. <...> По обидва боки дороги миготіли дачі, що тонули в садках з акацій та абрикосів. Поїзд їхав неначе лісом, ніби між двома зеленими стінами. Між акаціями подекуди виглядали білі стіни дач одеських банкірів та аристократів, гарних, як цяцьки, з легенькими портиками, з колонами, обплетеними диким виноградом».

Детство и юность Николая Гарина-Михайловского прошло в Одессе. И в повести «Гимназисты» – Одесса: «Город со своими нарядными, звонкими улицами, панелями в тени акаций, с белыми маркизами, с красивым тенистым бульваром, с сверкавшим там, внизу, синим морем, залитый ярким солнцем, – точно спал в неподвижном воздухе». Цветет акация, в это время так легко флиртовать и влюбляться, и акация в этом поможет:

«Они вошли под тень акаций. На них пахнуло сильным ароматом цветов.

– Ах, как хорошо пахнет, – сказала Корнева.

Рыльский подпрыгнул и сорвал белую кисть цветка.

– Дайте...

Она оглянулась и, пропустив свидетелей, прикрепил цветок у себя на груди. Она прикрепляла и смотрела на цветок, а Рыльский смотрел на нее, пока их взгляды не встретились, и в ее душе загорелось вдруг что-то».

Одесса, акации, море – в какой-то степени это слова-синонимы. По крайней мере для одесситов. И не только. Первые впечатления Александра Грина: «Уже ослепительно-знойными улицами, обсаженными акациями, я торопливо собрался идти увидеть наконец потрясенный, взволнованный зрелищем большого портового города, его море».

Одесса Александра Куприна – это «нарядный, всегда праздничный город с его зеркальными стеклами, гордыми памятниками, сиянием электричества, асфальтовыми тротуарами, аллеями белой акации, величественными полицейскими, со всей его показной чистотой и благоустройством». Так он напишет в «Гамбринусе». А в рассказе «Обида» описание, увы, хорошо знакомого нам летнего зноя: «Был июль, пять часов пополудни и страшная жара. Весь каменный огромный город дышал зноем, точно раскаленная печь. Белые стены домов сияли нестерпимо для глаз. Асфальтовые тротуары размягчились и жгли подошвы. Тени от акаций простерлись по плитяной мостовой, жалкие, измученные, и тоже казались горячими».

О событиях начала XX века писал Жаботинский в повести «Пятеро». И вновь акация, вездесущая акация: «<...> тогдашний облик веселой столицы Черноморья в акациях на крутом берегу. <...> Следующий был угол Ришельевской; и первое, что возвещало особое лицо этой улицы, были столы менял, прямо тут же на тротуаре под акациями. <...> Трудно было пробраться среди сплошного кустарника, диких груш и маслин, акации, бузка и черемухи. Акация уже отцветала, в голубоватой лунной тишине стоял только намек на ее недавнее владычество».

В 1911 году и Жаботинский, и Куприн, словно сговорившись, не просто упоминают акацию в тексте, а пишут о ней два рассказа. О том, что такое акация для северян, теряющих голову и разум от ее аромата, – это «Белая акация» Куприна.

«Однажды утром неопытный северянин идет по улице и вдруг останавливается, изумленный диковинным, неизвестным, никогда не слыханным ароматом. Какая-то щекочущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуваться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация. Однако на другой день совсем другое впечатление. Вы чувствуете, что весь город благодаря какой-то моде продушен теми сладкими, терпкими, крепкими, теперешними духами, от которых хочется чихать и от которых, в самом деле, чихают и вертят носом собаки. На следующий день пахнет уже не духами, а противными, дешевыми, пахучими конфетами или тем ужасным душистым мылом, запах которого на руках не выветривается в течение суток. Еще через день вы начинаете злостно ненавидеть белую акацию. Ее белые висячие гроздья повсюду: в садах, на улицах, в парках и в ресторанах на столиках, они вплетены в гривы извозчичьих лошадей, воткнуты в петлички мужчин и в волосы женщин, украшают вагоны трамваев и конок, привязаны к собачьим ошейникам.

Нет нигде спасения от этого одуряющего цветка, и весь город на несколько недель охвачен повальным безумием, одержим какой-то чудовищной эпидемией любовной горячки. Таково весеннее свойство этого дьявольского растения. Влюблены положительно все: люди, животные, деревья, травы и даже, кажется, неодушевленные предметы, влюблены старики, старухи и дети, гласные думы, хлебные маклеры, бурженники и лапетутники (две загадочные профессии, известные только Одессе), гимназисты приготовительного класса, телеграфные барышни, городовые, горничные, приказчики, биржевые зайцы, булочники, капитаны кораблей, рестораторы, газетчики и даже педагоги. Какая-то неисследованная зараза, какой-то таинственный микроб заключен в аромате белой акации.

На коренных обывателей эта болезнь действует сравнительно умеренно, – так же, как на природных жителей Кавказа слабо отражается болотная лихорадка, или на европейцах – корь. Но свежнему, приезжему человеку, особенно северянину, весенние цветы белой акации сулят преждевременную гибель».

Порой возникает ощущение, что партийные чиновники, к литературе и возвращенцу Куприну относясь подозрительно, этот рассказ все же читали. И на полном серьезе восприняв, принявшись активно проводить в жизнь последние его строки: «Была бы в моих руках огромная, неограниченная власть – власть, скажем, хоть полицейская, – я приказал бы вырубить за одну ночь всю белую акацию в городе, вывезти ее в степь и сжечь. Вырывают же ядовитые растения, убивают вредных насекомых, сжигают зачумленные дома, и никто не видит в этом ничего диковинного!».

Иное дело – одесситы. У Жаботинского цветущая акация связана с самыми значимыми событиями в жизни ребенка, подростка, юноши.

«Еще один май кончился, и опять отцвела акация. Кажется, ничто так не характерно для Одессы, ничто так ее не напоминает вдали, как запах акации. Даже море. <...> нет такого жителя в Одессе, который не знал бы запаха акаций, если только есть у него нос и в носу запах обоняния. <...>

Я мчусь домой в дикой радости, уже не разбирая солнечной и теневой стороны, а акация пахнет, пахнет во всю глотку. <...> Как только запахнет акацией, меня уже тянет не в храм науки, а из храма. <...> А акация пахнет, как скаженная.

Потом... потом наступает такое время, когда одного запаха акации недостаточно, а должна еще непременно светить луна. Как зовут барышню, это, конечно, секрет, таких вещей не рассказывают, но у нее длинная коса и славные глазки, сто миловидных ужимок и легкий, добрый, уступчивый характер: если с ней хорошенько подружиться и не делать грубостей, то и она не станет особенно воевать за свою неприкосновенность. <...> Угостить ее можно мороженым или просто семечками, а вместо поднесения пышных букетов надо просто хорошенько подпрыгнуть на ходу и сорвать большую кисть акации. Тогда она вам позволит собственными руками приколоть эту пахучую кисть к ее тоненькой блузке. А дальше вы уже сами должны понять и найтись».

Жаботинский находит очень точные слова – ведь ни один запах цветущих кустов и деревьев не вызывает такой легкой грусти,

не горчит слегка, словно раскушенный цветок акации: «Каждый год отцветает акация, и что-то умирает. Вероятно, умирает только наша молодость. Но почему-то нам кажется, что на белом свете постепенно убывает молодость вообще, нет уже той серебристой беззаботности у поколений, занявших теперь наше недавнее место на пороге жизни, город стал скучный и мрачный, и надежда померкла над землею. Только пахнет акация, как пахла всегда, и напоминает невозвратимое».

У Ивана Бунина в «Снах Чанга» запах акации входит в перечень необходимого и значимого: «Разве глупее нас с тобой были все эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорят об этой любви к миру и вообще ко всему телесному – от солнечного света, от волны, от воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха белой акации!». И у него же и в стихах и в дневниках в разные годы:

Ограды дач еще в живом узоре –
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

1906

«28. VII. 1914. Дача Ковалевского, под Одессой. Половина двенадцатого, солнечный и ветреный день. Сильный, шелковистый, то затихающий, то буйно возрастающий шум сада вокруг дома, тень и блеск листвы в деревьях, волнение зелени, мотанье туда и сюда мягко гнущихся ветвей акаций, движущийся по подоконнику солнечный свет, то яркий, то смешанный с темными пятнами». Эти строки написаны в России.

А для эмигрантов запах акации и Одесса – светлое воспоминание.

Саша Черный, «В Одессе»:

Вперед по лестнице гигантской!
Жара бросает в пот цыганский,
Акаций пыльные ряды
С боков свергаются в сады.

Ему вторит Софья Прегель в стихотворении «Одесса»:

Подымается дым ли, угар ли,
От акаций, что вдруг расцвели.

Художник Михаил Ларионов писал с грустью: «Светлые платья и зонтики дам, кители офицеров, проходящих под цветущими белыми акациями, в этот час не дающими тени, ненужной тени, в этот чудесный утренний час, ароматный кофе на террасе кофейной Либмана или Фанкони. Я думаю, что теперь всего этого нет».

Дон-Аминадо в мемуарной повести «Поезд на третьем пути» желал: «...обернуться назад, на сразу ставшее милым прошлое, крепко удержать в памяти, на всю жизнь запомнить ослепительную южную красоту, в пышном цветении акации на Николаевском бульваре, бегущие вниз ступени – к золотому берегу, к самому пропитанному солью нестерпимо-синему простору».

А что пишут их младшие современники, будущие звезды юго-западной школы об акации? Знаменитая фраза Исаака Бабеля из рассказа «Справедливость в скобках»: «Не надо уводить рассказ в боковые улицы. Не надо этого делать даже и в том случае, когда на боковых улицах цветет акация и поспевают каштан». Несколькими годами раньше в очерке «Одесса» он писал: «В Одессе сладостные и томительные весенние вечера, пряный аромат акаций и исполненная ровного и неотразимого света луна над темным морем». Бабелю вторит Юрий Олеша: «Образ Одессы, запечатленный в моей памяти, – это затененная акациями улица, где в движущейся тени идут полукругом по витрине маленькие иностранные буквы». А незначительный и забытый Яков Бельский в рассказе «Американское наследство» констатирует: «Море, и небо, и акации – все это было каждый день и рядом. Не надо было ждать целый год, как теперь, чтобы приехать на месяц к родным берегам. В десятилетнем возрасте мы этого не ценили».

Во время Гражданской войны погибали не только люди, но и деревья.

«Неприветливая картина осени усугубляется еще одиноко стоящими остатками дач и обрубками деревьев. Всюду

царит разрушение, и все время раздается звук топора и лязг пил. Всегда Французский и Итальянский бульвары с их чудными акациями служили украшениями Одессы, теперь же им грозит гибель, так как стремление к наживе захватило и владельцев дач и садов», – с грустью писали осенью 1919 одесские газеты.

Иронически описывает те же события спустя почти двадцать лет Александр Козачинский в «Зеленом фургоне»:

«Заканчивая свои ночные труды, молодые одесситы спиливали росшие вдоль тротуаров толстые акации. Они занимались этим по ночам не столько из страха ответственности, сколько из чувства приличия и почтения к родному городу. Когда любимые дети обкрадывают родителей, они боятся не уголовного наказания, а общественного мнения. Стволы и ветки акации тут же, на тротуаре, распиливались на короткие чурбанчики, которые складывались пирамидками на перекрестках. Через час сюда придут домашние хозяйки и будут покупать дрова для своих очагов.

Белинская улица, потерявшая за последние недели все свои великолепные акации, казалась Володе просторной и пустой, как комната, из которой вынесли мебель».

А Семен Гехт в очерке «Одесса» в 1923 нарисует картину гибели Дюковского сада:

«...поляна Дюковского сада оголенными пнями напоминает о столетних акациях, составлявших гордость Молдаванки.

История этого сада, лучшего в Одессе, замечательна. Были тревожные дни оккупационного владычества, когда по взбурянным улицам шныряли смуглые зуавы, когда коротконогие негры заполняли луна-парк и шотландские стрелки в юбках вызывали смех топтавшейся вокруг них уличной детворы. Дров в городе не было совершенно. Несмотря на жаркие летние дни, нужда в них была огромная, так как обнищавшему окраинному населению не на что было сварить постных щей. Однажды утром поднялись ремесленники Слободки и Бугаевки и, не обращая внимания на стрекотню пулеметов и на отточенные штыки зуавов, двинулись с пилами и колунами к великолепному Дюковскому саду. В тече-

ние одного летнего дня весь сад был вырублен и был увезен волоком, на повозках и спинах. Об этом дне крайнее население вспоминает с удовольствием и гордостью, и только тогда, когда зной уж слишком удушлив и нигде не сыщешь тени, к довольству примешивается сожаление о столетнем парке и чудесных акациях».

Но не все акации погибли. И у Павла Тычины, недавнего семинариста, приехавшего в Одессу в 1920, они вызывают ассоциации со службой в храме, чашей для причастия: «Знов повз пам'ятник Пушкіну. Море далеко. Спускаємось з гори – ховається, ховається й зовсім зникло. Сходи кам'яні вапняком по боках обкладені. За ними акації – мов чаші, накриті воздушком».

Зинаида Шишова напишет в 1922, прощаясь с друзьями и Одессой:

Город милый, город южный,
Слезы капают с пера.
Здесь ли мы семьею дружной
Проводили вечера,
Здесь ли мы на зов акаций
Выходили из ворот,
На манящий шелест платья,
На головки поворот...

Тексты Валентина Катаева благоухают акацией, от написанного в 1936 году «Паруса» до написанного в 1979 «Вертера». И трудно что-то выбрать, ведь акация, ее цветы и запах сопровождают и в горе, и в счастье.

«Белеет парус одинокий»: «Томная ночная жара неподвижно висела в бездыханном воздухе улиц, заросших акациями. <...> Одесский май ничем не отличается от июня. Город изнемогал от двадцатипятиградусной жары. Над балконами и магазинами были спущены косые полосатые маркизы с красными фестонами. На них лежала резкая тень начинающих цвести акаций».

«Хуторок в степи»: «Установилась изумительная летняя погода. Кончилась сирень, но зато всюду цвели белая акация

и жасмин. Все вокруг было пропитано их сладким, тяжелым запахом. По ночам к нему примешивался еще раздражающий запах маттиолы и садового табака, бледные звезды которого так неясно и таинственно белели в сумерках на разросшихся клумбах перед домом».

«Катакомбы»: «Был конец мая. По всему городу цвела белая акация. Старые большие деревья, сплошь увешанные плакучими гроздьями нежных, необыкновенно душистых зеленовато-молочных цветов, превращали улицы изуродованного города в аллеи, в тенистые туннели цветов и листьев. На горячей мостовой лежали тени акаций. По ним, как по темным кружевам, ступали босые ноги осужденных. И тени скользили вверх по их коленям, по груди, по лицам, по волосам непрерывной кружевной сетью, как бы желая своим ласковым, неосязаемым прикосновением умерить боль, которую они испытывали. С вызывающей гордостью подняв вверх свой круглый подбородок, ставший теперь твердым, почти квадратным, шла Валентина, мелко переступая маленькими босыми ножками. Откуда-то с балкона им бросили охапку цветущей акации. Одна веточка упала на голову Валентины, зацепилась за волосы, но не удержалась и стала сползать вниз. Девушка поймала ее на лице скованными руками и взяла в рот. Так она и шла, с веточкой белой акации в губах, почти черных, как маленькая запекшаяся рана».

«Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»: «Город задыхался от запаха неслыханно буйно цветущей белой акации. Короткие, темные, душные ночи с распахнутыми окнами домов, откуда неслись звуки итальянских песен, что превращало нашу тихую Отраду в подобие Неаполя или, во всяком случае, Сорренто».

Вообще, из художественных текстов можно узнать много деталей быта города, не попадающих в официальную историографию. Так, Жаботинский упоминает о «сумасшедшем греке Ралли» («это иждивением Ралли по всему городу у акаций стоят зеленые жестянки с водой, с надписью «для собак»).

А у Катаева еще одна деталь: «Я выскочил как ошпаренный на улицу, где толпились выпившие извозчики и босяки, от-

купоривая свои сотки, мерзавчики и шкалики. Делалось это следующим образом: сначала обдирался с головки сургуч; обдирался он о жестяную терку, нарочно для этой цели прибитую к стволу акации, чтобы пьяницы не портили городских насаждений. Извозчики в своих клеенчатых или касторовых шляпах с пряжкой, в синих армяках до полу, бородатые, с прозрачно-голубыми глазками и красными носами, а также босяки – действительно босые или в каких-то немислимых бахилках, привязанных к ногам веревочками, в ситцевых штанах и рваных рубахах, сквозь дыры которых виднелось голое тело <...> под наблюдением городского толпились возле терки, обдирая об нее сургуч, так что терка казалась как бы окровавленной».

Нечуй-Левицкий писал об акациях Дерibasовской улицы. В 1920-м они еще радовали глаз и обоняние. У Константина Паустовского во «Времени больших ожиданий»: «Вдоль тротуаров зацвели старые акации. Все вокруг было усыпано их желтоватыми цветами. Опродкомгуб к весне переехал из бывшей Ришельевской в самую гущу этих уличных акаций – в «Северную гостиницу» на Дерibasовской».

В насмешливом описании Ильи Ильфа акация не только осыпается на бывших «людей воздуха», но и заменяет пальмовые ветви при съемках фильма из «римской жизни»:

«...квартал бывшей Дерibasовской улицы, от бывшего магазина Альшванга до бывшей банкирской конторы Ксидиаса. Весь день здесь прогуливаются люди почтенной наружности в твердых соломенных шляпах, чудом сохранившихся люстриновых пиджаках и когда-то белых пикейных жилетах.

Это бывшие деятели, обломки известных в свое время финансовых фамилий.

Теперь белый цвет акаций осыпается на зазубренные временем поля их соломенных шляп, на обветшавший люстрин пиджаков, на жилеты, сильно потемневшие за последнее десятилетие. <...>

Отвлечь от пророчеств их может только процессия рабов в хитонах, внезапно показавшаяся на Ришельевской улице.

Рабы с галдением останавливаются на углу. Вслед за ними движутся патриции в тогах. За патрициями следуют начальники когорт и преторы. За преторами бегут какие-то нумидийцы и пращники. За пращниками следуют тяжелооруженные воины из секции совторгслужащих биржи труда. <...>

Подъехавшие на семи фаэтонах кинорежиссеры устанавливают римско-одесский народ шпалерами и организуют Юлию Цезарю большой триумф. Статисты, стоя на фоне книжного магазина Вукопспилки, машут ветками акаций, потому что на пальмы не хватило кредитов».

Фельетон «Путешествие в Одессу» Ильф написал в 1929. А спустя ровно десять лет Сигизмунд Кржижановский писал об акациях в рассказе «Хорошее море»: «...если идти вдоль берега, видишь группу акаций. Акация одно из немногих деревьев, которое согласилось жить в Одессе. Еще в первое десятилетие существования города дюк Ришелье насадил свой и посейчас называемый «Дюковским» сад. Сейчас от него почти ничего не осталось. Дерibas привозил туда редкие сорта флоры. Сейчас осталась лишь маленькая площадка, дающая довольно скудную тень. Граф Потоцкий привозил сюда из своих украинских имений целые обозы деревьев. Растрескавшаяся сухая почва города иссушила им корни, и мало что уцелело до нашего времени. Только акация стала одесситкой и цветет здесь пышным цветом». И он же цитирует фразу Александра Дерibasа об одесской пыли: «Прежняя одесская пыль была не такая, как ныне; она была благоуханной, как пыль цветов. Море, степи, акации отдавали ей свои остатки и были причиной ее своеобразного приятного аромата».

1941 год. Одесса осаждена, и Михаил Зенкевич пишет в стихотворении «Южная красавица»:

Сколько срублено белых акаций,
И по Пушкинской нет мне пути.
Неужели всю ночь спотыкаться
И к театру никак не пройти?

А в 1944 Семен Кирсанов пишет об освобождении Одессы:

Ветвями встречает победу
Акация в платье апрельском.

И его же знаменитое «В цветущих акациях город...».

Почему-то во второй половине XX века об акации больше писали не прозой, а стихами. Все – и уехавшие из Одессы, и живущие в ней.

Семен Липкин, «Снова в Одессе»:

Оказалось, что родина есть у меня.
Не хотят от меня отказаться,
Ожидая, тоскуя, мне верность храня,
Кое-где пожелтев среди летнего дня,
Молчаливые листья акаций.

И его же «Одесский переулок»:

Акация, нежно желтея,
Касается старого дворика,
А там, в глубине, – галерея,
И прожитых лет одиссея
Еще не имеет историка.
<...>
А здесь оставались акации,
Платаны легко разрастались,
Восторженно листья братались,
Как часто братаются нации.

Строки, наиболее часто, пожалуй, цитируемые из стихов Юрия Михайлика:

Мимо грядок, оградок, ларьков, пионерлагерей,
мимо редких дверей в нескончаемом дачном заборе,
мимо пыльных акаций на каменных плитах – скорей!
И откроется море.

И столь же часто цитируют из поэмы Анатолия Гланца «Одесса»:

Что б там ни было, друг мой, кончай ругаться.
Сохрани это счастье вдыхать акации.

Да, многие писали об акации, многие, надеюсь, еще напишут. И все же закончить мне хочется строками недавно ушедшей от нас Иры Полторак: «Но навечно сиренью с акацией будет бредить во мне Одесса».

